

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ

УДК 252

Епископ Питирим (Творогов)

кандидат теологии,
епископ Скопинский и Шацкий
e-mail: skopin.eparhia@gmail.com

Bishop Pitirim (Tvorogov)

Candidate of Theology,
Bishop of Skopin and Shatsk
e-mail: skopin.eparhia@gmail.com

МЕСТО СВТ. ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА В РЯДУ ПРОПОВЕДНИКОВ XIX ВЕКА И АКТУАЛЬНОСТЬ ЕГО ГОМИЛЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СЕГОДНЯ

THE PLACE OF SVT. THEOPHANES THE RECLUSE AMONG THE PREACHERS OF THE XIX CENTURY AND THE RELEVANCE OF HIS HOMILETIC LEGACY TODAY

Аннотация. Статья посвящена анализу гомилетического наследия свт. Феофана (Говорова). Проповеди Вышенского Затворника рассматриваются наряду с гомилиями таких известных его современников, как святители Иннокентий (Борисов) и Филарет (Дроздов). Двое из них — свт. Филарет и свт. Феофан — для неподготовленного слушателя звучат в некотором смысле анахронизмом, как что-то архаичное и недоступное для восприятия, несмотря на всю красоту их стиля и глубину мыслей. Свт. Иннокентий пережил свое время и, за исключением некоторых устаревших слов, воспринимается очень живо и современно. Но все трое, каждый по-своему, ведут чи-

тателей по пути спасения. Свт. Филарет — через ум к сердцу, свт. Иннокентий — от чувств к разуму, а свт. Феофан — через обожение всего состава человеческой природы: духа, души и тела. Все трое имели огромное влияние на своих современников и сохраняют непреходящую духовную ценность для нас, живущих в XXI веке, с его невиданными скоростями и неслышанными предрассудками.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the homiletic heritage of Svt. Feofan (Govorov). The sermons of the Vyshensky Recluse are considered along with the homilies of such famous contemporaries as Saints Innocent (Borisov) and Filaret (Drozdov). Two of them are Svt. Filaret and Svt. Feofan — for an unprepared listener, they sound in a sense anachronistic, like something archaic and inaccessible to perception, despite all the beauty of their style and the depth of their thoughts. Innocent has outlived his time and, with the exception of some outdated words, is perceived very vividly and modernly. But all three, each in his own way, lead readers along the path of salvation. Filaret — through the mind to the heart, svt. Innocent — from feelings to reason, and Svt. Theophanes — through the deification of the entire composition of human nature: spirit, soul and body. All three had a huge influence on their contemporaries and retain an enduring spiritual value for us living in the 21st century, with its unprecedented speeds and unheard-of prejudices.

Ключевые слова: свт. Филарет, свт. Иннокентий, свт. Феофан, гомилии, Церковь.

Key words: St. Filaret, St. Innocent, svt. Theophanes, Homilia, Church.

Среди выдающихся проповедников XIX столетия, современников свт. Феофана, есть две трудно достигаемые вершины — святители Филарет Московский и Иннокентий Херсонский. Последний был учителем свт. Феофана и ректором

Киевской духовной академии, в которой учился будущий Вышенский Затворник. Поэтому неудивительно влияние свт. Иннокентия на формирование проповеднического стиля студента Егора Говорова. Чему способствовало и то обстоятельство, что учитель и ученик были земляками — свт. Иннокентий родился в г. Ельце Орловской губернии, а свт. Феофан происходил из села Чернавск-на-Сосне Елецкого уезда. Но и проповеднический дар Московского святителя не мог оставить равнодушным никого из труждающихся на словесной ниве евангельского служения, да и не только евангельского. Обаяние обоих святителей — Филарета и Иннокентия — распространилось далеко за церковную ограду. Все выдающиеся мастера слова Золотого века русской культуры — от Пушкина и Гоголя до Ив. Киреевского и Максимовича были очарованы Московским и Херсонским (или Русским, как его величали) «Златоустами». Широко известна знаменитая поэтическая переписка Пушкина и свт. Филарета, заканчивающаяся пушкинскими строками:

«Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт».
(19 января 1830)

Московского святителя «голос величавый», тихий и властный, поражал не только прославленного автора вышеприведенных строк — его слушала и слышала вся Россия. Но не только его. Не меньшее влияние на современников имело живое слово свт. Иннокентия (Борисова). Но если глас хлада тонкого свт. Филарета исходил со священных высот Синая или Фавора, то дивное соловьиное пение свт. Иннокентия звучало из цветущих весенних рощ, так им любимых и воспеваемых. Проф. Малышевский писал через 12 лет после кончины Иннокентия: «Едва ли не более всех заставил он современное ему русское общество полюбить свою русскую проповедь, едва ли не шире всех распространил он просветительское влияние

ее на общество» [8, с. 97]. Михаил Александрович Максимович (1804–1873) вспоминал: «Незабвенны мне беседы его со мною по вечерам; и его длинная келья в Братском монастыре, вся заваленная книгами и газетными листами; и выходная дверь из нея в небольшой сад, отделенный от мира каменною стеною и ушпигованный, по выражению Гоголя, устремленными к небу тополями» [6, с. 9]. Еще один современник свт. Иннокентия вспоминал о пристрастии архиепископа к книгам: «Помнит всяк, кто бывал в комнатах покойного, сколько у него было книг, и кажется, разом читанных: и в кабинете, и в гостиной, и в спальне, и в зале, везде были книги; книги на столах, книги на стульях, на окнах и на полках. Он не только ходил и сидел с книгою, но и засыпал не с книгою только, а и на книгах» [3]. Свт. Иннокентий для проповеди не гнушался ничем — природа во всех ее проявлениях (снег, дождь, молния, гром, мхи на развалинах и цветущий весенний сад — все органично вписывалось искусным художником в словесную картину проповеди). У свт. Филарета в его гомилиях звучит другая стихия — таинственная, непостижимая, грозная, но спасительная. В слове в день Пятидесятницы (1811 г.) святитель не осмеливается учить о Святом Духе как о третьем Лице Святой Троицы, исходящем от Отца и почивающим в Сыне, но «только издалека, чрез зеркало Божие» дерзает касаться спасительных даров Святого Духа, исполняющих человека, и человека, исполненного духа — предметов, «которые постигает человек, но и то человек, Духом же обитаемый» [11, с. 2]. И далее у свт. Филарета следуют рассуждения, обращенные, как всегда у него, от ума к сердцу. Да и сам язык филаретовский — это высокий штиль церковного искусства речи. Ничто низкое, недостойное не примешивалось к этому потоку богословской мысли, устремленному во глубину сердца.

У свт. Иннокентия в «Слове при вступлении на паству Харьковскую, сказанном в Харьковском Успенском соборе» (1842 г.) находим его проповедническое кредо, которое он заимствует у св. ап. Павла: «И слово мое и проповедь моя не

в препретельных человеческия премудрости словесех, но в явлении духа и силы, да вера ваша не в мудрости человечесей, но в силе Божией будет» (1 Кор. 2:1–2, 4–5). В отличие от Московского Златоуста, Харьковский проповедник ведет своих слушателей от сердца к уму: «...легко может статься, что некоторые ожидают от нас слова высокого и проповеди по всем правилам витийства человеческого, — обращается святитель к своей новой пастве. — Да будет же известно вам, братие мои, что и мы, подражая великому учителю языков, приходим к вам не с премудростью слова, не с выпренными умозрениями, не с блестящими оборотами витийства, а с простотой веры Евангельской и с единой, если даст Господь, силой чувства христианского» [5]. А далее следует образец высочайшего церковного красноречия. В этом весь Иннокентий, готовый, подобно орлу взлететь со дна земной пропасти к вершинам Богомыслия. И тут же камнем упасть на землю, в самый последний момент расправив крылья для нового полета ввысь.

Филарет же, по точному замечанию В. П. Зубова, «не терпел опрощенства, приспособления к низкому духовному уровню» [4]. Василий Павлович приводит слова свт. Филарета, где он высказывает свое понимание простоты и мудрости проповеднического искусства. Первое — из письма наместнику ТСЛ архм. Антонию: «Надобно, чтобы простота была не без мудрости». А другое из письма ректору МДА прот. А. В. Горскому: «Что за народность такая в церковном проповедании? Церковь учит вся языки одним учением, применяя учение к умственному и нравственному состоянию человека, а не к кафтану, тулупу и блузе». Однако, как замечает В. П. Зубов, не терпел свт. Филарет «...и приспособления к фраку, военному мундиру или пиджаку. Для всех у Филарета был один язык, равно чуждый и близкий» [4]. Проповедь свт. Филарета была схоластической, но не в отрицательном, а самом что в ней есть положительном смысле — точности формулировок, строгости научной мысли, высоты слога, систематичности и безукоризненной логике повествования.

Все три святителя — Филарет, Иннокентий и Феофан — хоть и представляли последовательно следующие друг за другом поколения, учились риторике по учебнику Бургия, где форма преобладала над содержанием. Такой латинский псевдоклассицизм. И проповеди свт. Филарета можно, с определенной степенью условности, отнести именно к классицизму. Он до конца жизни был верен этому направлению.

Гиляров-Платонов вспоминает: «Я уже не учился по Бургию [12]. Но отцы наши учились по Бургию, и о нем настойчиво спрашивал покойный Филарет, гневавшийся на умничанье учителей словесности: „Да по Бургию заставляйте учить! Отчего не учат по Бургию?“ — „Трудно, ваше высокопреосвященство, ученикам“, — отвечал ректор, выгораживая учителя. — „Не знаю, чем затрудняются. Помню, я не затруднялся, когда учился“» [2].

Были между двумя святителями и разногласия, и даже обиды со стороны младшего Иннокентия. Но как изящно старший Филарет, оставаясь строгим и принципиальным, обходил острые углы! Одно из писем ректору КДА архм. Иннокентию с критикой свт. Филарет подписывает с обезоруживающим остроумием: «Вашего высокопреподобия, готовый к преследованию любовью, а не враждою» [1].

Свт. Иннокентий перерос схоластику совершенно — от Бургия в его речах не осталось и следа. Если и корректно проводить дальше параллель со светской литературой (а в случае с Иннокентием, живо интересовавшимся всеми новинками художественной литературы, вполне корректно), то его проповеднические труды овеяны влиянием романтизма. Он был романтиком во всем. Ярче всего это проявилось во время Крымской войны, когда он под пулями и снарядами, на самой передовой поддерживал бойцов горячим словом, льющим из самой глубины любящего и страдающего пастырского сердца. Свт. Филарета мы с трудом можем представить на фронте, но из холерной Москвы мужественный святитель выезжать отказывался: «Я отложил путь в Петербург, чтобы умирать

с своими», — пишет он наместнику ТСЛ архм. Афанасию [7]. А вот свт. Феофана, но только вне затвора, можно смело вообразить и на передовой, и в холерном бараке со Святыми Дарами. Он соединил в себе рассудочность Московского и пылкость сердца Херсонского святителей. А аскетическое направление его проповеднических трудов справедливо было бы соотнести с реализмом в русской классике.

На примере двух проповедей Вышенского Затворника проследим эволюцию его проповеднического слова. Первая, ранняя, 1840 года, произнесенная на праздник Вознесения Господня. А вторая, зрелая, 1862 года, — на Пятидесятницу. Мы сейчас как раз находимся в этом богослужебном периоде между Вознесением и Пятидесятницей.

Проповедь на Вознесение молодой проповедник начинает вполне по Бургию: обычный развернутый приступ, где звучит самая распространенная мысль праздника — ученики возвратились с радостью великою с Елеонской горы после разлуки с вознесшимся на Небо Христом. И вполне схоластически обозначаются задачи, которые ставит перед собой и слушателями проповедник: во-первых, узнать «силу Вознесения Господня», а во-вторых, «благоговейно приникать мыслию в его тайну и значение в устроении нашего спасения, с тем чтобы возвысить и окрылить, а может быть, возбудить чувство непритворной радости, с которым торжествует Вознесение Господа Святая Церковь» [9]. Последовательно раскрывая тему, проповедник отмечает, что для Самого Спасителя Его вознесение есть высочайшее прославление. Причем стиль речи здесь вполне филаретовский, доходящий до вершин эпидейктического красноречия: «Теперь, когда крест уже подъят, когда болезнями на нем исцелены язвы человечества, снято наказание с мира нашего, смерть поправа, ад упразднен, — теперь что могло препятствовать Господу облечься славою, которую Он имел у Отца, прежде мир не бысть? Уничужение исполнило свое дело — для чего долее оставаться в нем? — Имя Божие явлено — оставалось по закону правды Божией прославить и Того, кем оно явлено» [9].

Далее проповедник погружает ум слушателей в глубину богословия. Говоря о Спасителе как о Царе, облеченном Божественною властью и силою, художник слова рисует картину космического масштаба, где изображается державное владычество Христа не только над родом человеческим, но и над ангелами, «чтобы посылать их в служение хотящим наследовать спасение», и злыми духами, «чтобы защитить людей от их коварства, злобы и насилия; над природою, чтобы течение ее направить к обращению, укреплению и прославлению сынов Царствия, — вообще над всем миром», чтобы был *Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15:28)» [9]. Живописуя картину царства природы как непрерывную цепь существ от самых низших до ангельских чинов, проповедник особо выделяет в ней человека, который по замыслу Творца является связующим звеном всего тварного мира. Но с грехопадением первого человека это звено выпало из своего места и «стройный чин природы нарушился». Чтобы восполнить образовавшуюся пустоту, Сын Божий «облекся в человека, снисшел до глубины его падения, очистил его, освятил и в Себе Самом вознес в тот чин, в котором он стоял и в котором должен стоять по своей природе» [9].

Основательность и неторопливость, с которой свт. Феофан раскрывает тайну домостроительства Божия, роднит стиль его проповеди с глубокими догматическими словами свт. Филарета. Мы замечаем тот же вектор воздействия на слушателя — от ума к сердцу. Спускаясь с фаворской высоты Божественной славы, проповедник обращается долу: «Что значит Вознесение Господне для рода человеческого — для нас самих?» Родившийся, страдавший, воскресший и вознесшийся ради нас Спаситель и падшего во глубину греха человека возносит «столь же высоко, сколь глубоко он пал» [9]. Для того, чтобы просветиться Божественной славой, человеку необходимо «облечься смертию Христовою, усвоить силу заслуг Искупителя и во всем подобиться Ему» [9]. Несмотря на католическую терминологию, свт. Феофан раскрывает вполне

православное учение о спасении. Далее он проявляет себя уже как представитель аскетической проповеди — которая станет со временем главным направлением всех его богословских трудов. Способность уподобления Богу начинается с веры, укрепляется любовью, через которую благодатью Божией в сердце поселяются кротость, смирение, благосердие, повиновение. Благодать Святого Духа, недоступная до времени Вознесения Господа¹, теперь, когда Он прославлен и «соделал, таким образом, удобным перехождение Духа через Себя на весь род человеческий» [10], таинственным образом изливается на искупленное Кровью Спасителя человечество. Но почему для ниспослания Святого Духа необходимо Вознесение, для нас остается тайной.

В слове на Вознесение Господне, 1840-го года, говоря о Духе Святом, свт. Феофан еще не раскрывает свое оригинальное учение о трех уровнях бытия человеческого — духовном, душевном и телесном. Здесь мы видим только наброски будущих мыслей, которые выкристаллизуются со временем в стройную аскетическую систему. Но уже в этой ранней проповеди можно увидеть черты, присущие свт. Феофану-проповеднику: глубину раскрываемой темы, системность изложения мыслей, скрупулезность, не гнушающуюся возвращаться к ранее сказанному, что в гомилетике не всегда приветствуется, и чисто его искренность и скромность. Он не дерзает выставлять себя в первые ряды современных ему церковных витий. Он просто очень добросовестен, честен и трудолюбив. Его интересуют не столько внешние события, сколько внутренний мир человека, его душа. И в своих зрелых произведениях он уже предстает как тонкий психолог, хорошо изучивший самые потаенные уголки человеческой психики.

Слово на Пятидесятницу, произнесенное 27 мая 1862 года, начинается кратким цитированием стихир на «Господи воззвах»: «Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие»

¹ «Не у бе Дух Святыи, яко Иисус не у бе прославлен» (Ин. 7:39).

[10]. И сразу переход к основной части проповеди: не только на апостолов, но через них и на всех верующих сходит Дух Святой. Это уже не филаретовский, а скорее иннокентиевский стиль. Форма, столь значимая в более ранних проповедях свт. Феофана, — это схоластическое проклятие Бургия — здесь уже имеет третьестепенное значение. Главное — идея, вокруг которой строится канва повествования. Идея — это обожение всего состава человеческой природы через соединение Святого Духа с духом человеческим. Уникальны, присущие, пожалуй, лишь свт. Феофану, вкрапления психологической рефлексии: «...невольно придешь к заботливому и боязливому расследованию, живет ли и действует ли в нас Дух Божий?!» [10]. Тут уже другой вектор восприятия — от чувства к уму, как у свт. Иннокентия. И та же простота при глубочайшем погружении в тему. Причем декларируемая простота: «Чтоб... доставить вам возможность определительно судить о своей духовности, очерчу вам сколько можно проще жизнь духовную в ее возможных видах и проявлениях» [10]. Как это похоже на приведенное выше вступление из «Слова при вступлении на паству Харьковскую...» свт. Иннокентия. Да, это уже та полная свобода проповедания, которой дышат речи учителя и земляка свт. Феофана. И не только свобода, но и художественные образы и сравнения очень схожи с иннокентиевскими: «Как чистый луч света, отражаясь в каплях дождевых или проходя сквозь призму, разлагается на семь радужных цветов, так чистый по себе и простой дух, сочетанный с этим многосоставным организмом, при всей простоте и неизменности своей природы, явился обладающим разнообразием способностей и облеченным множеством потребностей, обращенных к веществу и миру» [10, с. 319].

Но есть и абсолютно самобытное начало, столь зримое в зрелых проповедях свт. Феофана. Начало это аскетическое, богато налитанное чтением творений святых отцов Востока, критически переосмысленное при исследовании западного богословия — как католического, так и бурно развивающего

протестантского. И если восточная православная подвижническая литература была воспринята святителем и умом, и сердцем, во многом предопределив его собственный аскетический путь, то западные богословы, при всей их образованности и учености, вызывали у Вышенского Затворника недоверие и множество нареканий.

В Слове на Пятидесятницу встречаем узнаваемую у позднего Феофана трихотомическую схему, которой он часто пользовался для удобного обозначения тройственности человеческого бытия и двойственности его природы: «И явился человек в мир, обладатель тройственной жизни: духовной, духовно-телесной, или душевной, и телесной» [10]. Властвовать в человеческой природе призван чистый дух. Но после грехопадения он онемел. «Богосозерцание, богодвижность и богоблаженство исчезли» [10, с. 320]. В падшем состоянии мир воспринимается человеческим духом как отражение в тусклом зеркале, «в коем ничего не видно, кроме самого его (зеркала). Отчего многоведение заглушает в нем ведение единого, отвращает от него и охлаждает к нему. Такова цена и таков плод научности в падшем» [10, с. 321].

Изобразив состояние духа человеческого, сопряженного с телом, в состоянии до и после грехопадения, свт. Феофан подходит к ответу на поставленный в начале проповеди вопрос: как определить, действует ли в нас Дух Божий? — «Кто сознает в себе действие манований Божиих и приобрел навык действовать по указанию воли Божией... и по ней устроить жизнь свою... тот живет Духом... Кто же погряз умом своим в тварях и не знает Бога, тот, как бы ни был учен, не живет Духом» [10, с. 321].

В заключение проповедник прибегает к яркому образному сравнению, уподобляя пришествие Святого Духа действию огня, который бы расплавил «раздробленные частицы человеческого духа и слил из них целого потаенного в сердце человека так же, как из раздробленных частиц стекла, вновь разваренных, образуется потом цельное стекло, способное отражать целые вещи» [10, с. 321].

В своем творчестве сам свт. Феофан сумел переплавить все доступные ему богословские научные и эмпирические открытия, оставив потомкам уникальное наследие, в котором можно найти ответы на самые острые вопросы современности, касающиеся всех сфер жизни — духовной, душевной и телесной.

Если мы сегодня попробуем прочитать с амвона проповеди трех обозначенных нами святителей, то убедимся, что двое из них — свт. Филарет и свт. Феофан — для неподготовленного слушателя звучат в переносном смысле анахронизмом, как что-то архаичное и недоступное для восприятия, несмотря на всю красоту их стиля и глубину мыслей. Их нужно адаптировать или комментировать. К ним нужно привыкать. А вот свт. Иннокентий пережил свое время и, за исключением некоторых устаревших слов, воспринимается очень живо и современно. Но все трое, каждый по-своему, ведут читателей по пути спасения. Свт. Филарет — через ум к сердцу, свт. Иннокентий — от чувств к разуму, а свт. Феофан — через обожение всего состава человеческой природы: духа, души и тела. Все трое имели огромное влияние на своих современников и сохраняют непреходящую духовную ценность для нас, живущих в XXI веке, с его невиданными скоростями и неслыханными предрассудками.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Н. И. К биографии Иннокентия, архиеп. Херсонского. Христианское чтение. 1884. № 1–2. С. 188–224. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Barov/k-biografii-innokentija-arh-hersonskogo/#0_9

2. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. Т. 1. Цит. по: URL: <https://azbyka.ru/fiction/iz-perezhitogo-tom-1-gilyarov-platonov/>

3. Zubov B. P. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. Цит. по: URL: <https://predanie.ru/book/220002-russkie-propovedniki-ocherki-po-istorii-russkoy->

propovedi/

4. *Зубов В. П.* Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/220002-russkie-propovedniki-ocherki-ro-istorii-russkoj-propovedi/> Burg Johann Friedrich (дата обращения: 22.10.24).

5. *Иннокентий (Борисов), свт.* Слова, беседы речи [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/125874-slova-besedy-rechi/> (дата обращения: 22.10.24).

6. *Максимович М. А.* Письма о Киеве. М., 1869. С. 9.

7. Прибавление к творениям святых отцов за 1886 г. Ч. 38.

8. Русский Златоуст. Жизнеописание, слова и проповеди святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского. Единоецко-Бричанская епархия, 2006. С. 97.

9. *Феофан Затворник, свт.* Любовью назидая. Слова и проповеди. Правило веры. М. 2018. С. 279.

10. *Феофан Затворник, свт.* Любовью назидая. Слова и проповеди. Правило веры. М. 2018. С. 288–289.

11. *Филарет (Дроздов), свт.* Творения. Слова и речи. Новоспасский мон-рь. М, 2003 — Т. 1, стр. 2.

12. *Elementa oratoria ex antiquis atque recentioribus facto praeceptorum delectu tironibus eloquentiae ab imis principiis ac fundamentis sensim ad difficiliora et summa justo ordine manuducendis et prudenter instituendis accommodata antea quidem in usum gymnasiorum Vratislaviensium.* — Lipsiae: Breitkopf, 1790.